
КЛАССИЧЕСКИЙ КОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (И.А. ГОНЧАРОВ «ОБЛОМОВ»)

О. А. Бычкова

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
ул. К. Маркса, 38, Чебоксары, Чувашская Республика, 428000

В статье рассматриваются особенности бытования классических текстов в современном литературном пространстве. На примере знаменитого романа И.А. Гончарова «Обломов» затрагиваются вопросы преемственности в русской литературе, показаны механизмы становления единого текстового пространства, открытого диалогу. В качестве ключевого выдвигается понятие кода, который понимается как надтекстовая единица, применяющаяся для создания множественных ассоциативных полей в литературе, апеллирующих к первоисточнику. Изучены особенности эстетики творчества И.А. Гончарова, выявлен неисчерпаемый потенциал классического текста для развития современной литературы. Исследованы аллюзии на роман Гончарова в творчестве Л.Н. Толстого, В. Набокова, Т. Толстой.

Ключевые слова: Гончаров, «Обломов», Пушкин, Набоков, Толстая, интертекст, код, пост-модернизм, симулякр

Роман Ивана Александровича Гончарова «Обломов», пожалуй, одна из самых известных и любимых русских книг. «Обломовщина» стала подобием оправдания для русского человека, любящего помечтать в полудреме, никуда не спешить, работать вполсилы, объедаться сверх меры... С другой стороны, утвержденное в критике Н.А. Добролюбовым понятие звучит как приговор уходящему барству. Гончаров первым в русской литературе показал медленное умирание человека, объяснил, «отчего у нас люди превращаются прежде времени в... кисель» [9. С. XXI].

Писатель работал над книгой с 1848 по 1859 гг., над ним даже посмеивались: «По роману в десять лет». Да и сам Иван Александрович признавался, что писал всегда «медленно, натужно» (будто Илья Ильич подбирает слова к неоконченному письму в Обломовку). Тщательная отделка сюжета и идеи романа способствовала появлению на свет «Илиады русской жизни». А сам Обломов «родился» как «вечный тип» барина, этакий «принц де Лень» (шуточное прозвище самого Гончарова) уходящей крепостной России.

Высоко оцененный Л.Н. Толстым, И.С. Тургеневым «Обломов» и в дальнейшем вызывает интерес, становится предметом художественной игры. В русской литературе сложился некий устойчивый «код «Обломова», порождающий пересекающиеся ассоциативные поля, сверхтекстовые значения. Понятие кода в современном литературоведении не имеет строгого определения. Согласно Р. Барту, это «“пространство цитации”, диапазон, в котором располагаются всевозможные культурные “голоса”, сплетающиеся в Текст» [2. С. 18]. Мы обнаруживаем «следы» гончаровского сюжета, героев, переключки мотивов и у самого Л.Н. Толстого, и у В. Набокова, В. Пьецуха, Т. Толстой и многих других.

Это не случайно, так как автор «Обломова» любил поиграть с именами, созвучиями, создавая то, что сейчас мы называем интертекстом. «Няня между тем уж рисует другую картину воображению ребенка. Она повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов, об удали Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича... Она с простотою и добродушием Гомера, с тою же животрепещущей верностью подробностей и рельефностью картин влагала в детскую память и воображение Илиаду русской жизни» [5. С. 99].

Так, Илья Ильич и сам как богатырь Илья Муромец: ему около 33 лет, он так же, как его былинный предок, оставался практически недвижим долгое время, а именно лежал на диване, завернувшись в халат, и «это было его нормальным состоянием». Созвучна имени главного героя фамилия героини Ольги *Ильинской*, как намек на единственную и подлинную Ольгину любовь, перед которой меркнут практицизм и благоразумность Штольца (с немецкого — «гордый»). В свою очередь, в инициалах Ольги — отголосок названия первого романа Гончарова («Обыкновенная история»).

Самоцитирование, объединение произведений в циклы — характерная черта писателя. Кроме того, Гончаров обогатил свой роман многочисленными аллюзиями на русскую литературу. Да и не только русскую: исследователи находят отсылки к героям Сервантеса, Шекспира, Гёте... Особую любовь питает автор «Обломова» к А.С. Пушкину, которого прекрасно знал и бесконечно боготворил. Из биографии известно, что случайная встреча Гончарова с Пушкиным в стенах Никитского собора в Москве глубоко взволновала писателя; последующая же гибель поэта оставила незаживающую рану в душе писателя. «И вдруг пришли и сказали, что он убит, что его более нет... Это было в департаменте. Я вышел в коридор и горько-горько, не владея собой, отвернувшись к стенке и закрывая лицо руками, заплакал... Тоска ножом резала сердце, и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его уже нет, что Пушкина нет! Я не мог понять, чтобы тот, пред кем я склонял мысленно колени, лежал бездыханен» [7. С. 52].

Так ли уж случайно упоминание имени Пушкина в финальных главах романа:

- Что же он о литературе-то читал? — спросил Обломов.
- Да читал, что самые лучшие сочинители Дмитриев, Карамзин, Батюшков и Жуковский...
- А Пушкин?
- Пушкина нет там. Я сам тоже подумал. Отчего его нет! Ведь он *хений*, — сказал Алексеев, произнося *г* как *х* [5. С. 400].

Знаменитая обломовская апатия к жизни неожиданно совпадает с авторским чувством тоски по Пушкину! Кстати, заметим: тоски неизбежной, и в конце XX в. читаем у А. Битова в «Пушкинском доме»: «И русская литература, и Петербург, и Россия — все это Пушкинский Дом без его курчавого постояльца» [3. С. 393].

Так, «обыкновенная история» любви Обломова и Ольги возникает как парафраза на тему из «Евгения Онегина» («пора пришла, она влюбилась»). А семейная жизнь Штольца и Ольги — «привычка свыше нам дана: замена счастию она». Герои Гончарова примеряют на себя «пушкинские» роли. Вот Обломов (в роли Татьяны) «сел в угол дивана и начертил по пыли крупными буквами: “Ольга”» [5.

С. 179] («заветный вензель О да Е»). Расставшись с Обломовым, Ольга рассуждает: «Может быть, нашла бы “приличную партию”, каких много, и была бы хорошей, умной, заботливой женой и матерью» [5. С. 344] («была бы верная супруга и добродетельная мать»). Обломов сам с готовностью разрушает возникшее счастье, как бы подсказывая Ольге слова: «Я, сколько ни любил бы вас, привыкнув, разлюблю тотчас». В его письме говорится: «Погодите, он придет, и тогда вы очнетесь: вам будет досадно и стыдно за свою ошибку, а мне эта досада и стыд делают боль...» [5. С. 212].

Сквозная линия Пушкина очень важна для понимания произведения. Вот Илья Ильич, как Моцарт, иногда с удовольствием слушает шарманку: «Какой-нибудь мотив, который заронился мне в память... Иногда и от Моцарта [знак! — О.Б.] уши зажмешь...» [5. С. 165]. Если здесь выстраивать антиномическую пару, то Штольц получается как Сальери, поверяющий «алгеброй гармонию», в романе о нем сказано: «Не болел он душой, не терялся никогда в сложных, трудных или новых обстоятельствах, а подходил к ним как к бывшим знакомым, *как будто жил вторично*, проходил знакомые места» [5. С. 139].

Отравлен же Обломов-Моцарт будет «обломовщиной». Именно так в сознании слуги Захара соединились два слова «ядовитый» и «обломовщина» — причины страшной обиды: «Захар надулся и стороной посмотрел на барина. “Вона! — подумал он, *еще* выдумал какое-то жалкое слово! А знакомое!”» [5. С. 179].

Автор постоянно направляет мысль читателя, намекает, вмешивается, создает двойников, зашифровывает сны, предвосхищает события письмами. А уж кому трудны намеки, тому в финале резюмирует: «Причина... какая причина! Обломовщина!» [5. С. 412].

Создатель русского классического романа Гончаров во многом предвосхитил пути его дальнейшего развития, наполнил актуальными проблемами, обогатил новаторскими приемами. Задолго до появления постмодернистских романов А. Битова и Дж. Фаулза Гончаров использует вариативность финала: «Ольга в той жизни, которую Обломов ей готовил! Она — среди переползания изо дня в день, деревенская барыня, нянька своих детей, хозяйка — и только!.. Нет, не так бы с ней было: она — плачет, мучится, чахнет, умирает... Бедная Ольга!» [5. С. 389] и т.д. А в последней главе является *авторская маска*: «литератор, полный с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными глазами» [5. С. 409], который и пересказал нам эту историю.

«Сюжеты, переклички, заимствования окружают писателя» — в этой мысли укрепится литературный цензор Гончаров; по свидетельству французского исследователя А. Мазона, за первые три года цензорской деятельности Гончаров прочитал 38 248 страниц рукописей и 3369 листов печатных изданий [7. С. 202]. В 1860 году на почве сюжетных заимствований разразился общественный скандал. Речь идет о задуманном Гончаровым новом романе «Обрыв», сюжет которого он пересказал И.С. Тургеневу, а вскоре обнаружил некоторые его черты в «Дворянском гнезде» и «Накануне» [1]. «В «Необыкновенной истории» Гончаров пишет: «Тургенев был прижат к стене: ему оставалось или сознаться, чего, конечно, он не сделает никогда, или вступить за себя» [4. С. 207]. В ответ сам Иван Александрович будет обвинен в клевете, в письме Тургенев требует «третейского суда»,

который и состоялся 29 марта 1860 г. на квартире Гончарова при участии П.В. Анненкова, А.В. Дружинина, С.С. Дудышкина и А.В. Никитенко. Решением суда было признано, что «произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны» [4. С. 185].

Как видим, очень непросто создавалось в России единое литературно-критическое пространство, открытое диалогу. Взаимовлияния, скрытые или намеренные, способствовали этому процессу. Известно, что уже у Л.Н. Толстого в «Анне Карениной» обыгрывается гончаровское «любовь как оспа». Высказывание Ольги «Это все Андрей: он привил любовь как оспу, нам обоим» [5. С. 284] у Л.Н. Толстого приобретает полемическую окраску:

— Но браками по рассудку мы называем те, когда уже оба перебесились. Это как scarlatina, чрез это надо пройти.

— Тогда надо выучиться искусственно *прививать любовь, как оспу* [11. С. 242].

Косвенно ссылаясь на Гончарова, Толстой ставит под сомнение брак по расчету: «Да, но зато как часто счастье браков по рассудку разлетается, как пыль, именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали» [11. С. 243].

«Обломовская» матрица оказалась универсальной и для создания многих современных романов. Переключки с Гончаровым мы обнаруживаем у В.В. Набокова в «Защите Лужина». Так, пара «Лужин — жена» очень напоминает отношения Обломова и Ольги. Он — грузный, неприспособленный к быту интроверт, она — деятельная идеалистка, привившая себе любовь к шахматному гению.

Лужин и своим «выпаданием» из жизни в игровую реальность тоже похож на Обломова:

«Лужин, — крикнула она, — Лужин, проснитесь! Что с вами?» «Реальность?» — тихо и недоверчиво спросил Лужин. «Конечно, реальность. Что за манера, поставить стул посреди комнаты и усесться. Если вы сейчас не встряхнетесь, я уйду» [8. С. 64].

И если допустить, что упомянутый конфликт самого Гончарова и Тургенева повлиял на сюжетное противостояние Лужина и Турати, тогда в фамилии итальянского гроссмейстера зашифровано не только название шахматной фигуры («тура»), но и часть фамилии Тургенев. Возможность таких предположений подтверждается и самой загадочной фразой набоковского романа, прозвучавшей в финале: «Но никакого Александра Ивановича не было», из которой читатель наконец узнает имя главного героя. Если поднести к нему одно из набоковских «зеркал», то и выйдет «Александр Иванович». О любви Набокова к двойникам и отражениям немало написано литературоведами. По справедливому мнению А.Г. Коваленко, «замечательной особенностью творчества писателя является тот факт, что бинарность неизменно присутствует в произведениях на протяжении всего его творчества» [6. С. 343].

Поставим еще одну опору нашему предположению. Так, на вопрос Захара, скоро ли свадьба, Обломов начинает влиять и оправдываться перед квартирной хозяйкой: «Да нет вы, пожалуйста, не верьте: это совершенная клевета! *Никакой*

барышни не было: приезжала просто портниха, которая рубашки шьет...» [5. С. 298]. Сходство двух фраз очевидно. Да и идейная нагруженность гончаровской фразы сродни набоковской. В ней герой окончательно делает выбор между «иттить вперед или остаться», и с этих пор любая попытка заставить Обломова принять жизнь будет обречена. Так же от невозможности продолжать собственную игру, когда жизнь слишком «трогает», выпадает из нее и набоковский Лужин: «Но никакого Александра Ивановича не было».

Татьяна Толстая в романе «Кысь» (2000 г.) разрабатывает еще один вариант героя, выделяя линию «книжного возрождения» Обломова. В романе Гончарова «прививка любви» действует вкупе с прогулками и поездками в театр и, главное, чтением книг. Обломов просыпается и преображается. И, наоборот, когда «обломовщина» снова укладывает его на диван, книги покрываются пылью. Т. Толстая задается вопросами, возможно ли прививать просвещение, «как оспу», и к чему это приводит. В тексте романа отражается литературный опыт и века двадцатого, имеются отсылки к А. Платонову, М. Цветаевой, В. Ходасевичу, Р. Бредберри, И. Бродскому и др.

Так же, как «Обломов», «Кысь» создавалась долгих десять лет и считается одним из канонических текстов русского постмодернизма. Здесь привычные схемы доводятся до предела, образы опустошаются, превращаются в симулякры.

В антиутопии Т. Толстой создан мир после глобальной катастрофы, в нем утрачены культурные и нравственные ценности. Люди после Взрыва в массе своей доведены до первобытного уровня, лишь избранные имеют доступ к знаниям, а тоталитарная власть использует невежество в корыстных целях.

Главный герой Бенедикт под влиянием матери выучился грамоте и получил профессию переписчика книг. Только удачная женитьба на дочери Генерального Санитара Кудеяра Кудеяровича (перекликается с гончаровским Мухояровым) избавила его от полуголодного существования. Так же как в Обломовке, в доме Кудеяра длится бесконечный пир горой. Обьедаются здесь грибами-мутантами («грибыши»), оладьями из «хлебеды», паренными в горшочках мышами. Так метафора ядовитой «обломовщины» реализуется буквально. Здесь тоже есть своя Оленька, поначалу она является главному герою как волшебное видение, сказочная царевна. Однако после свадьбы отъедается, становится как гора, начинает лицо сметаной мазать и обнаруживает свое родство с мифическим злом — кысью.

Тесть откармливает зятя не только пищей «телесной», но и духовной, предоставляя ему свободный доступ к запрещенным книгам. «Да и верно: зачитаешься — вроде и в животе меньше урчит» [10. С. 81]. Бездумно «проглатывая» информацию, Бенедикт меняется внешне: он обрюзг, перестал мыться. Постепенно он превращается в тирана, участвует в государственном перевороте, отправляет на костер своих просветителей. Романтическую мечту — Белую Птицу Паулин «прокрутили на котлеты», а Бенедикт в финале недоуменно глядится в зеркало: «а ведь, кысь-то это ты и есть!»

И он, как Илья Ильич, в самый тоскливый час обратится к Пушкину (памятнику, изготовленному им самим когда-то), мучаясь от чего-то неизъяснимого: «Что, брат Пушкин? И ты, небось, так же? Тоже маялся, томился ночами, тяжело ступал тяжелыми ногами по наскребанным половицам, тоже дума давила?» [10.

С. 261]. Но и на этот раз «прививка» культуры и просвещения оказалась бессильна перед несовершенством человеческой природы. «Скука, скука, скука!.. Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» — вновь воскликнет Илья Ильич и завернется поглубже в халат [5. С. 146].

Таким образом, код «Обломов» не утратил своей актуальности, но зачастую классическая схема приобретает зловещие черты симулякра.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. С. 44—442.
- [2] *Барт Ролан. S/Z.* М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
- [3] *Битов А. Г.* Пушкинский дом: Роман. М.: Вагриус, 2007. 528 с.
- [4] *Гончаров И. А.* Необыкновенная история: (Истинные события) // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 184—304.
- [5] *Гончаров И. А.* Обломов // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.
- [6] *Коваленко А. Г.* Двойничество в системе произведения (В. Набоков) // А. Г. Коваленко. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. С. 343—364.
- [7] *Лощиц Ю. М.* Гончаров. 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 2004.
- [8] *Набоков В. В.* Защита Лужина. Приглашение на казнь. Казань: Татарское книжное издательство, 1990. 239 с.
- [9] *Петров С. И.* А. Гончаров: (Критико-биографический очерк) // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955. 1952. С. V—LII.
- [10] *Толстая Т. Н.* Кысь. М.: Подкова, 2001. 320 с.
- [11] *Толстой Л. Н.* Анна Каренина: Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. М.: Лексика, 1996. 386 с.

CLASSIC CODE IN RUSSIAN LITERATURE (I. A. GONCHAROV «OBLOMOV»)

O. A. Bychkova

The Chuvash state pedagogical University named after I. Y. Yakovlev
K. Marx str., 38, Cheboksary, Chuvash Republic, 428000

The article discusses the features of existence of classical texts in modern literary space. By the example of the famous novel by I. A. Goncharov “Oblomov” addresses the issues of continuity in Russian literature, describe the mechanisms of the formation of a single text space, open to dialogue. As key put forward the concept of “code”, which is understood as above- textual unit, is used to create multiple associative fields in the literature, appealing to the original source. The peculiarities of aesthetics creativity of I. A. Goncharov were explored, revealed the inexhaustible potential of the classical text for the development of modern literature. Studied allusions to the novel by Goncharov in the works by L. N. Tolstoy, V. Nabokov, T. Tolstaya, etc.

Key words: Goncharov, “Oblomov”, Pushkin, Nabokov, Tolstaya, intertext, code, postmodernism, simulacrum

REFERENCES

- [1] Annenkov P. V. Literaturnye vospominaniya [Literary memories]. M.: GIKHL, 1960. P. 44—442.
- [2] Bart Rolan. S/Z. M.: Editorial URSS, 2001. 232 p.
- [3] Bitov A.G. Pushkinskij dom: Roman [Pushkin house: a novel]. M.: Vagrius, 2007. 528 p.
- [4] Goncharov I.A. Neobykvennaya istoriya: (Istinnye sobytiya) [Unusual history: (the true event)]. I.A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniya [I.A. Goncharov. New materials and research]. M.: IMLI RAN; Nasledie [Heritage], 2000. P. 184—304.
- [5] Goncharov I.A. Oblomov. Goncharov I.A. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 4 [Collected works: In 6 v. V. 4]. M.: Gos. izd-vo khudozh. lit. [State. Izd-vo khudozh. lit.], 1959.
- [6] Kovalenko A.G. Dvojnichestvo v sisteme proizvedeniya (V. Nabokov) [The duality in the system of work (Vladimir Nabokov)]. A.G. Kovalenko. *Ocherki khudozhestvennoj konfliktologii: Antinomizm i binarnyj arketip v russkoj literature 20 veka* [Essays on the art of conflictology: Antinomianism and the binary archetype in Russian literature of the twentieth century]. M.: RUDN [Publishing house of the Russian Peoples' Friendship University], 2010. P. 343—364.
- [7] Loshhits U.M. Goncharov. 3-rd ed. M.: Mol. gvardiya [Mol. guard], 2004.
- [8] Nabokov V.V. Zashhita Luzhina. Priglasenie na kazn' [The Luzhin's Defense. Invitation to a beheading]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo [Tatar book publishing house], 1990. 239 p.
- [9] Petrov S.I. A. Goncharov: (Kritiko-biograficheskij ocherk) [Critical and biographical sketch]. Goncharov I.A. Sobranie sochinenij: V 8 t. T. 1 [Collected works: In 8 v. V. 1]. M.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1952—1955. 1952. P. V—LII.
- [10] Tolstaya T.N. Kys'. M.: Podkova [Horseshoe], 2001. 320 p.
- [11] Tolstoj L.N. Anna Karenina: Sobranie sochinenii: V 8 t. T. 6 [Collected works: In 8 v. V. 6]. M.: Leksika [Vocabulary], 1996. 386 p.